

НОВГОРОД МЕЖДУ СТОКГОЛЬМОМ И МОСКВОЙ (1613–1617 гг.)

Внутриполитическая жизнь в Новгородской земле времени шведской оккупации (1613–1617 гг.) изучена недостаточно. В частности, мало исследованы расстановка политических сил, отношение к власти детей боярских в период до начала русско-шведских мирных переговоров 1615 г. и вопрос о новгородском сепаратизме в целом.

На неоднозначность в поведении новгородцев, с одной стороны твердивших о том, что Новгород никогда не "бывал" "отлучен" от Москвы, с другой – пытавшихся создать собственное Новгородское государство, указывал еще Г.А. Замятин. Исследователь говорил о проявлении новгородского сепаратизма, обращая внимание на то, что новгородцы не торопились вступать в переговоры с правительством царя Михаила Федоровича, давая возможность московским войскам продвигаться по направлению к Новгороду и в то же время продолжая поставлять корма шведским войскам. Но, ограничиваясь определенным кругом источников, историк не понимал механизмов раскола новгородской элиты. Он не учел и силы давления на новгородскую администрацию шведского военачальника Я. Деллагарди, практически возглавлявшего новгородское правительство¹.

В.А. Фигаровский, анализируя ситуацию с точки зрения классовой борьбы, настаивал на заинтересованности новгородской администрации в шведском пребывании в городе для подавления народного движения, но не указал на то, каких сил опасалась новгородская верхушка². Историки неоднократно писали о казачестве, наводнившем Новгородскую землю. Н. Ардышев показал, что запорожские казаки, грабившие дворянские поместья, стали неуправляемой силой и были готовы идти служить тому, кто им заплатит³. А.Л. Станиславский подчеркивал реальность проблемы присутствия казаков, начавшей беспокоить московское правительство⁴. А.А. Селин посвятил специальную статью «изменам» новгородских детей боярских, покидавших шведов и переходивших на службу в московские полки⁵. Но исследователи не связывали соотношение социальных сил с политическими обстоятельствами в Новгородской земле.

Предлагаемая статья построена на материалах личного архива Деллагарди, хранящегося в Отделе редких книг и рукописей Тартуского университета и документах вывезенного в Швецию новгородского оккупационного архива. Поместные дела оккупационного архива представляют наибольший интерес. Они позволяют проследить конкретную историю решения детьми боярскими своей судьбы. Незаменимый материал содержат столбцы Разрядного приказа с документами, отразившими характер ведения военных действий в Новгородской земле. Одним из наиболее важных источников являются входящие в тот же фонд десяти, которые составлялись при верстании новгородцев начиная с 1615 г.⁶

До момента вступления на престол Михаила Романова перед взорами новгородцев чередовались представители официальных властей, самозванцы и реальные претенденты на русский престол, чьи кандидатуры, включая Карла Филиппа, фигурировали на избирательном Земском соборе в феврале 1613 г. Лифляндский дворянин Г. Брюнно писал, что кандидатуру Михаила Романова выдвинули казаки, которые хотели грабить и убивать, однако его отвергли бояре, намеревавшиеся возвести на престол стокгольмского ставленника. Эта информация подтверждается и другими источниками. Правомочность решений собора 1613 г., о которых новгородцы знали понаслышке, вызвала в Новгороде большие сомнения. В начале весны 1613 г. там были получены первые сведения от Брюнно и других лиц о том, что Россия обрела монарха (при этом

* Кобзарева Елена Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

каждый раз повторялось, что царь является казацким ставленником). Вместе с тем поступала информация и о возможной недолговечности власти повоявленного царя.

Русские дворяне, после того как в 1613–1614 гг. борьба против поляков пошла на спад, вновь стали повсеместно уклоняться от службы без жалованья⁸. Новгородцы во многом оказывались подвержены тем же настроениям, что и дети боярские по всей России в целом, и не были готовы совершать подвиги во имя какой-либо власти. В то же время, в захваченном шведами Новгороде сохранялась прошведская группировка, с удовольствием муссировавшая слухи об избрании повоявленного царя казаками. В свою очередь Деллагарди и его войска все еще пытались, с одной стороны, взять на себя роль «защитников», с другой – удовлетворить корпоративные интересы дворян, продолжавших получать «изменничьи» поместья.

Но, как в дальнейшем писал шведский военачальник, его подчиненные после того, как заняли Новгород, длительное время сохраняли дружеские отношения с русскими, «губя землю»⁹. Шведы приняли участие в фактическом грабеже местного населения – в 1611–1612 гг., а в значительной мере и в 1613 г. новгородцы безропотно поставляли им корма. Не меньший урон нанесли «литовские люди». В дальнейшем, при составлении в 1621 г. десяти для привлечения на царскую службу новгородских детей боярских, в характеристике состояния их земель неизменно указывалось: владение «разорено и пусто от войны, немецких (под таковыми в данном случае подразумеваются шведы. – Е.К.) и от литовских людей, и от русских воров»¹⁰, там не осталось ни крестьян, ни бобылей, в поместьях продолжали жить 1–2 человека.

В 1613 г. в Новгородской земле фактически начинался голод. Для основной массы новгородских детей боярских, в дополнение к тому, что поместья были опустошены, шансы получить землю в сильно пострадавших во время военных действий пятинах уменьшались с каждым днем. Лишь приближенным к правительству иногда выдавали зерно. Для детей боярских, кроме наиболее обеспеченного слоя новгородской дворянской корпорации, самым насущным в большинстве случаев стал вопрос о выживании. Они во все большей мере осознавали, что шведы являются врагами новгородцев, оккупантами.

Круг лиц, заинтересованных в шведском пребывании и уповавших на заморского королевича в голодном городе или разоренном поместье, постоянно сужался. Продолжение службы фактически означало, что надо включаться в борьбу с московскими войсками, которые в это время, как достаточно убедительно показал Станиславский, являлись казацкими по своему составу¹¹.

Между тем, по мере продвижения московских полков на север, русские и шведские войска пришли в непосредственное соприкосновение. «Воры» и казаки поддерживали присланных из центра людей. В этой ситуации всех новгородцев, присоединявшихся к последним, громогласно объявляли «изменниками», что, впрочем, не означало реального прекращения «измен». Уже в марте 1613 г. новгородцы начали проявлять нежелание служить шведам¹², возможно, теперь их в меньшей степени пугали сведения о том, что Михаил Романов – казацкий ставленник.

В апреле 1613 г. русские войска были направлены к Тихвину, гарнизон которого возглавлял подчинявшийся шведам Андрей Трусов, назначенный ими на смену Лукумбову. В городе началось восстание, последовали массовые «измены» находившихся в Тихвине детей боярских из новгородских пятин. Деллагарди доносил Густаву II Адольфу, что простые люди и часть дворян перешли на сторону московских войск, предав новгородцев, которые хотели избрать Карла Филиппа на русский престол¹³. Ситуацию осложняло и присутствие в Новгородской земле запорожских казаков, которые постепенно становились основной боевой силой, готовой служить тому, кто ее оплатит.

В «сходе» с «немецкими людьми» во время Тихвинского сиденья выступили Барышполец и Сидорко. Они ездили к Деллагарди в Новгород, где им давали сукна и камку (6 июля шведский военачальник писал в Стокгольм, что в его распоряжении находится 2 тыс. казаков¹⁴). Казацкие полковники не захотели взять денег, боясь принуждения со стороны шведов. Сидорко сказал, что «лемцы» готовы их принять. На казацком кругу

Барышпольца, намеревавшегося идти в Литву, оставили. К «немцам» был послан Ф. Нос с 10 казаками. После этого московские войска нанесли им поражение. Когда вернулся Нос, казаки не знали, какое решение им принять. Шведский военсальник велел им идти на Двину, к Архангельску. К Холмогорам отправилось около 1,5 тыс. человек и удерживали посад 3 дня, но Архангельска взять не смогли. От Холмогор казаки пошли к Сумскому острогу и вернулись назад в шуйские погосты¹⁵.

С наступлением осени казаки порвали с «немцами», согласно полученным русскими сведениям, из-за того, что не получили денег. Сидорко поступил на службу к царю Михаилу Романову. В январе 1614 г. казаки стояли в Шунгинском и Толвуйском острожках. Выполняя требования Делагарди, Анц Мунк пытался списаться с казаками. В результате на Олонце к нему присоединились 500 человек. «А пришел де к Сидорку из неметцких полков руской мужик и сказывал, что неметцкие люди стоят на горках от Олонца семдесят верст, а хотят де те неметцкие люди идти в Новгород»¹⁶. Казаки, в значительной мере существовавшие за счет грабежа местного населения, дополнительно разоряли новгородские территории.

В итоге первоначальная расстановка сил, когда дети боярские вместе со шведами воевали против казаков, изменилась: теперь запорожские казаки, обеспечение которых, как и содержание шведских войск, ложилось на плечи новгородцев, воевали против московских войск, а поляки действовали заодно со шведами. Делагарди, считавший, что основными врагами являются казаки, направляемые из Москвы, в условиях «измены» части новгородцев, пытался привлечь на свою сторону поляков.

Напряженная ситуация сложилась в Деревской пятине, где постоянно происходили столкновения между русскими, поляками и шведами. Четкого разграничения между территориями, которые относились к захваченному шведами Новгороду и к собственно русским землям, здесь в условиях продолжавшихся боевых действий не было. Тем не менее в результате «измен» детей боярских постоянно возникал вопрос о передаче поместий новым хозяевам. Весной 1613 г. царь испоместил здесь ржевских дворян. Таким образом был создан прецедент для новгородцев, которые теперь могли добиться получения земли, обращаясь не к Карлу Филиппу, который только летом 1613 г. прибыл для переговоров с русскими в Выборг, а к Михаилу Романову, уже избранному на русский престол¹⁷.

Основным фондом земель по-прежнему распоряжалось новгородское правительство. В 1613–1614 гг. в Деревской пятине оно давало поместья в значительной мере именно «литовским людям», успевшим достаточно сильно разорить землю (после Смуты здесь осталось 15% населения¹⁸). Полякам было выделено 950 четей, что в условиях участвовавших переходов детей боярских на сторону московских полков составило 40% всех пожалований. Когда речь шла о передаче поместий и одну и ту же «дачу» хотели получить сразу несколько человек, новгородское руководство отдавало предпочтение полякам. Такой случай имел место в 1613 г., когда на владение Петра Нармацкого претендовали дети боярские Богдан Мусин, Семен Иванович Веревкин и одновременно «нововыезжий пан» Давыд Яковлевич Ольшевский. Земля досталась «пану»¹⁹. Испомещение поляков, остававшихся для новгородцев злейшими врагами, накаляло обстановку и толкало жителей пятинны на то, чтобы стать верноподданными московского царя.

Можно предполагать, что С.И. Веревкин, не сумев получить дачу из поместья П. Нармацкого, обратился с просьбой юридически оформить за ним землю, которая теперь также осталась без владельца, не в Новгород, а в Москву. Владение, на которое претендовал Веревкин, принадлежало, если, впрочем, в сохранившемся документе не была допущена ошибка и речь не идет о все том же поместье, другому представителю семейства Нармацких – М. Нармацкому («Нарманнскому»). Во всяком случае, среди столбцов Печатного приказа сохранилась челобитная Веревкина с просьбой не собирать пошлин с пожалованной дачи. Не исключено, что «немцы» узнали о переписке Веревкина с Москвой и вскоре его убили. Но в столицу с той же просьбой относительно уже своего поместья обратился родственник пострадавшего, Сотник Иванович Ве-

ревкин. На этот раз все завершилось благополучно, вопрос об освобождении поместья от пошлин был решен положительно²⁰ (интересно отметить, что Веревкин получил землю из поместья Б. Ростопчина, из которого какую-то часть шведы пожаловали Г.П. Негановскому²¹).

Количество «измен», если судить по документам, множилось, хотя никакими точными цифрами я не располагаю. Сформированные шведами из новгородцев гарнизоны при приближении к той или иной крепости московских полков складывали оружие. Осенью 1613 г. И. Крюков, посланный воеводою из Новгорода в Порхов, связался с московскими людьми в Пскове и попросил, чтобы ему направили на помощь войска. Когда люди подошли, Крюков потребовал отворить ворота острожка. Оттуда он выпустил «государевых людей», т.е., вероятно, тех, кто попал в плен к шведам. Крюков «зговорил» дворян, детей боярских, стрельцов, всяких служилых и посадских и привел их в Псков. Жены и дети остались в Порхове – их посадили в тюрьму. Михаил Романов обещал освободить жен и детей, дав за них пленных шведов²².

Русский Северо-Запад был полностью опустошен. Продолжались «измены» новгородцев под Гдовом и Тихвином и превращение казаков, которые с трудом подчинялись каким-либо приказам, в основную военную силу. В этих условиях Москва и Делагарди оказались втянуты в борьбу за привлечение служилых людей на свою сторону, причем ни одна из сторон не имела возможности удовлетворить запросы дворян хотя бы в такой степени, чтобы «измены» прекратились (т.е. обеспечить детей боярских поместьями и денежным жалованием). Соперничающие стороны не могли остановить и повторную измену – возвращении новгородцев, принесших присягу одной из сторон, назад.

Михаил Романов привел к крестоцелованию на верность службы белозерцев при условии, что они не будут думать об избрании на русский престол представителя иностранной династии. Им запрещалось «ссылаться» с «немецкими ратными людьми» (шведами), они были обязаны «не изменити и не отъехать» (в первую очередь имелся в виду отъезд в Новгород). Осенью в Новгороде было возбуждено следственное дело по поводу «измены» С., П. и Б. Нарбековых, Б. и У. Лупандиных, кн. Ю. Мещерского²³. По крайней мере с конца 1613 г. новгородская администрация собирала поручные записи с помещиков о том, что последние не будут выезжать в русские земли²⁴.

В то же время служить с казаками в московских полках новгородским детям боярским было нелегко. Отдельные новгородцы после отъезда в московские полки пытались возвратиться на службу к шведам и, сказав, что ушли из плена, получить назад свое поместье. Возникла благодатная почва для доносов. Так, Ж. Квашнин, поместье которого было разорено, попытался предъявить претензии на поместье И.Б. Мякинина. Однако в дело вмешалась вдова Д. Баранчеева, утверждавшая, что ее муж вместе с «немецкими» людьми ходил под Тихвин, где его захватили казаки. Квашнин заявил, что Мякинин и Баранчеев изменники. Дело тянулось больше года. В конечном счете в августе 1614 г. было принято решение передать поместье Мякинина в оклад Квашнина. Вдове Д. Баранчеева выделили 40 четей, «потому что муж ее в измену взят»²⁵. Такого рода истории повторялись достаточно часто.

В то же время политическая обстановка продолжала меняться. В июне 1613 г. требование Делагарди, обращенное к Густаву II Адольфу, направить для переговоров в Выборг Карла Филиппа, наконец, было выполнено, 18 числа шведский претендент на московский престол покинул Стокгольм. Король исходил из того, что в соответствии с обещанием военачальника на границу приедут выборные всех русских земель и что можно будет вести мирные переговоры с московскими представителями. Но Михаил Романов успел стать царем, и новгородцам предстояло самостоятельно иметь дело со шведской делегацией. Преследовавший цель территориальных приобретений и не желавший появления на юго-востоке от Швеции полунезависимого государства, каким могла бы стать Новгородская земля, Густав II Адольф ставил своей задачей привести новгородцев к присяге, и новгородцы это понимали.

Тихвинские события, изменение расстановки сил существенно повлияли на ситуацию в самом Новгороде. Жители города осознали, что предстоит идти на сближение с Москвой. Новгородская правящая верхушка, как свидетельствуют донесения Деллагарди королю, переживала раскол. Под давлением обстоятельств шведский военачальник, сообщая Густаву II Адольфу о происходящем, настаивал, чтобы гарнизон города, который при заключении договора 1611 г. наполовину был сформирован из новгородцев, наполовину – из шведов, был заменен гарнизоном только из шведов. Новгородская администрация – митрополит Исидор и кн. И.Н. Одоевский – отказалась ехать в Выборг. Новгородцы были готовы вести переговоры лишь в том случае, если новгородское посольство будут сопровождать представители других русских земель и Новгород останется в составе Русского государства.

Но Деллагарди, как видно из его писем королю, удалось снарядить посольство, в котором приняли участие дети боярские из разных новгородских пятин (новгородцы, по крайней мере на словах, исходили из того, что, может быть, из центральной России еще пришлют представителей сословий с тем, чтобы избрать царем Карла Филиппа). Посольство возглавил архимандрит Киприан, человек достаточно трусливый, готовый во избежание неприятностей служить кому угодно. В состав посольства вошел и Яков Михайлович Боборыкин, впоследствии вставший на путь активной борьбы со шведами.

Часть поехавших в конце июля в Выборг новгородцев надеялась на приезд Карла Филиппа в Новгород, рассчитывая, что он станет главой Новгородского государства. Фактически новгородские посланники ставили своей задачей избавиться от Деллагарди и, учитывая, что Карл Филипп еще не достиг совершеннолетия, ввести самоуправление (предполагалось, что гость Степан Иголкин будет назначен новгородским «офицером», т.е. главой новгородского гарнизона)²⁶. Пока в Новгород еще не были переброшены шведские войска, сплотившись, новгородцы могли заставить шведов уйти – Деллагарди предупреждал короля, что возможно, придется покинуть город²⁷. Однако раздираемый противоречиями Новгород упустил подходящий момент.

Практически одновременно с отправлением посольства в Выборг, 6 августа 1613 г., из Новгорода выехало посольство игумена Дионисия в Москву, чтобы сообщить сословиям, будто бы не хотевшим признавать власть Михаила Романова, о прибытии шведского претендента на русский престол в Выборг. Дионисия и его спутников задержали в Торжке, где им сообщили, что русские принесли присягу новому самодержцу. Тогда Дионисий и другие члены делегации объявили, что шведы убили в Новгороде много людей, а жители города ведут споры о том, надо ли снаряжать посольство в Выборг. В результате новгородцы через воеводу Торжка М. Белосельского, бывшего сторонника избрания Карла Филиппа на русский престол, установили связь с одним из русских городов. Скорее всего, информация о прибытии посольства игумена Дионисия сразу же была передана из Торжка в Москву.

Таким образом, с лета 1613 г., оказавшись не в состоянии сплотиться и изгнать шведов из города, новгородцы формально делали ставку на избрание шведского королевича на русский престол, при этом, очевидно, идея создания Новгородского государства во главе с Карлом Филиппом не пользовалась особой популярностью. Нельзя с большой уверенностью говорить, были ли у новгородцев далеко идущие планы создания самостоятельного Новгородского государства или они понимали, что таковое вряд ли может уцелеть в процессе русско-шведского мирного урегулирования, и в основном пытались выиграть время, не принося присяги Густаву II Адольфу. Новгородцы или действительно дожидались прибытия представителей других русских земель, или, прикрываясь фразами относительно возможности избрания стокгольмского представителя на русский престол, сознательно вели двойную игру, с одной стороны, направив посольство для переговоров в Выборг, с другой – фактически идя по пути сближения с Москвой.

Попытка посольства архимандрита Киприана добиться создания независимого Новгородского государства во главе со шведским королевичем не принесла реальных результатов (основные переговоры проходили 28 августа и 9 сентября²⁸). В дальнейшем шведы и Киприан окончательно убедились, что никакие представители москов-

ских сословий туда не приедут. При встречах со шведской делегацией новгородские послы в Выборге заявили, что приносили шведам присягу по закону войны и подчинились на определенных условиях, что новгородцы не обязаны целовать королю крест²⁹. 12 января 1614 г. в Выборге состоялась заключительная аудиенция для архимандрита и его спутников.

Вскоре после того, как в Москве узнали о положении дел в Новгороде, несмотря на то, что основные русские силы направлялись под Смоленск, а осень была самым неподходящим временем для ведения боевых действий, к Новгороду пошли войска кн. Д.Т. Трубецкого и Д.И. Мезецкого. Кн. Трубецкой в свое время после раскола Подмосковного ополчения возглавил казаков. Теперь выступившие в поход отряды также были в основном казацкими по своему составу. 18 октября, пока новгородское посольство еще оставалось в Выборге, новгородцам была направлена царская грамота с предложением поступить на русскую службу³⁰. Вместе с тем московские воеводы пытались добиться, чтобы войска Деллагарди покинули город³¹. Октябрьские послания остались без ответа. Новгородцы всерьез опасались, что если московские войска подойдут к городу, шведы перебьют всех его жителей³².

Зимой 1613–1614 гг. состоялся поход кн. Трубецкого и Мезецкого к Новгороду, они почти беспрепятственно заняли находившиеся на юге от Новгорода Бронницы. В это время новгородцы уже не могли поставлять корма для шведских войск, хотя отдавали последнее, что у них было. Они делали это в соответствии с распоряжениями новгородского руководства, которое не рисковало прекратить попытки организовать обеспечение шведских войск продовольствием. Но большинство жителей города не хотело вести борьбу против «воров» и казаков, т.е. московских полков. Как отмечал Деллагарди в декабре 1613 г., дети боярские («бояре»), горожане и крестьяне были готовы покинуть город, переходя на сторону врага, т.е. московских отрядов. Деллагарди писал, что новгородцы и русские близки к пониманию того, между ними нет никакого «разлада»³³, хотя присоединение к московским полкам часто не предвещало ничего хорошего.

В донесениях Деллагарди, относящихся к первым месяцам 1614 г., говорилось о «смуте» и «шатости» новгородцев. Теперь люди из прилегающих к городу селений, в первую очередь крестьяне, были «мятежны» и перешли на сторону московских полков. Как сообщал шведский военачальник, бегство жителей из города приобрело массовый характер. Никакие меры, направленные на то, чтобы воспрепятствовать «изменам», уже не действовали, и в тех случаях, когда речь шла не о служилых, а о тяглых посадских людях, шведы, видимо, получив с них всё, что можно было получить, и не стремились их сдержать, – теперь это были голодные, обреченные на смерть люди. Большинство из тех, кто оставался, были готовы изменить³⁴.

Но тем не менее шведы все еще пытались использовать прошведские настроения новгородцев. В Новгороде, узнав о завершении переговоров в Выборге, 25 января командовавший частью шведских войск Э. Горн предпринял особые усилия для проведения жителей города к присяге шведскому королю, в основном по-прежнему пугая жителей города казаками. Горн подчеркивал, что новгородцы могли бы не пускать кн. Трубецкого к Бронницам, находящимся на небольшом расстоянии от Новгорода, и упрекал их в «двомысленности», однако новгородцы упорно отказывались стать подданными Густава II Адольфа³⁵. Постепенно шведский король, стремясь удержать Новгород, чтобы заключить мир с Россией на самых выгодных условиях, склонялся к мысли об изгнании новгородцев из города, поскольку окрестности города разорены. Однако Деллагарди так и не пошел на решительный шаг, предпочитая сохранять сложившиеся к тому времени отношения с правящей верхушкой города.

Посылаемые против шведов московские войска разлагались. Казаки из армии Трубецкого, также собиравшие корма и в результате опустошавшие всю округу, порой проявляли жестокость по отношению к местному населению, к тем же детям боярским³⁶, чем ускорили разорение земли. Лишенные поместий дети боярские сбивались в небольшие отряды и нередко превращались в «воров», которые мало отличались от казаков и представляли равную опасность как для шведов и остававшихся на их сторо-

не новгородцев, так и для русских войск, посылаемых из центра. В марте 1614 г. на Белоозере было дано распоряжение высылать детей боярских из поместий в Новгород, Смоленск и Вологду. В результате в Огнелу был прислан отряд, включавший 30 человек беспоместных детей боярских, которые «насилство чинят и продажи великие» и грозили Луневскому, который ехал на царскую службу, убийством, ссылались на то, что получили разрешение стоять в Огнелу. Луневскому было велено возвратиться, его предупредили, что идут многочисленные отряды казаков и он должен дожидаться, когда казаки пройдут³⁷.

Вопрос о переходе на сторону московских полков новгородских детей боярских по-прежнему решался не столь однозначно. Случаи, когда дети боярские, «изменявшие» в 1613 г., вынужденно возвращались домой, вероятно, были достаточно хорошо известны новгородцам. И все же, несмотря на очень зыбкую ситуацию, дворяне, подобно тому, как они шли на службу в московские полки осенью 1613 г., переходили на службу в войска кн. Трубецкого и Мезецкого. Сохранился документ об «измене» в феврале-марте 1614 г. группы новгородских дворян во главе с Андреем Андреевичем Палицыным. Русские воеводы и их люди не слишком полагались на то, что новгородцы будут верны крестоцелованию, которое приносили царю, придя в московские полки. Но в конечном счете, когда две стороны вели борьбу за служилых людей, приезжавших принимали на службу. Царь счел нужным отправить Палицыну и его товарищем специальную грамоту: «И детем боярским, и оттоманом, и казаком, и всяким ратным людем, которые с тобой, да в острожку говорил, чтоб они нам служили великим роденьем, сколько милосердый Бог помочи подаст. И мы тебя, и детей боярских, и оттоманов, и казаков за вашу службу (зачеркнуто: «смотря по службе»). Эта не сохраненная при редактировании вставка отражает отсутствие у Михаила Романова полного доверия к тем новгородцам, с которыми ему приходилось реально иметь дело. — Е.К.) пожалуем. И ты те б вести к нам писал, чтоб нам про то было ведомо». В то же время на Палицына возлагалась обязанность укрепить Ромашевский острог, куда к этому времени подошли 2 тыс. шведов³⁸.

Одновременно решался вопрос о том, на чьей стороне будут служить татары (татары, поступив на службу при Иване IV во время похода к Москве хана Девлет Герая, получили поместья в Бежецкой пятине; к этому времени уже существовали поселения астраханских татар на юге той же пятины³⁹; новые переселения татар были произведены в 1606 г.). В 1611–1612 гг. татары вместе с новгородскими детьми боярскими, сталкиваясь с поляками, уходили из Бежецкой пятины в находившийся под властью шведов Новгород. В марте 1614 г. татары Карай-Мурзы Алеевича Кутюмова включились в борьбу со шведами на стороне русских. К нему присоединились 200 человек из романовских татар⁴⁰.

Тем не менее, располагая лишь очень ограниченным контингентом войск, кн. Трубецкой не мог добиться каких-либо результатов. От попавшего в плен шведа были получены сведения о намерении Делагарди перед уходом сжечь город. Кн. Трубецкому стало известно о том, что Делагарди не покинет Новгорода, даже если к нему подойдут русские войска. Шведский военачальник был не намерен вступать в переговоры с представителями Москвы⁴¹. В соответствии с полученными в войсках Трубецкого сведениями, Делагарди пытался привлечь новгородцев на свою сторону, «манит и лстит им всем, а живет с ними оmanoю» (в первую очередь имелась в виду остававшаяся покорной шведам новгородская элита)⁴². Новгородские власти не рисковали портить отношения с «немцами».

Весной 1614 г. новгородцы вступили в переписку с Москвой, формально чтобы предотвратить «напрасное кровопролитие» (грамота, посланная в столицу, была написана под контролем шведского переводчика Анца Бракилева и не содержала царского титула; зато в ней были многие «непригожие» к миру слова). В первопрестольный град был направлен Иван Железняков, неизменно фигурирующий в источниках как «Филатьев». С ним из Москвы в Новгород поехал А. Хирин, официально обязанный сообщить, что новгородцы «Великого Государя на большой гнев воздвигают». Вместе с тем

Хирину предстояло дать понять жителям города, что царь готов простить новгородцев, а вместе с тем «сказывати, что делаетца лутчее». Новгородцы, когда вели переговоры с Делагарди, продолжали делать вид, что не хотят мириться с Москвой. Правда, в июне к Трубецкому поехала для ведения переговоров группа новгородцев во главе с кн. Ф.Т. Черным-Оболенским⁴³, в свое время оставшимся в городе представителем Подмосковного ополчения. Вероятно, Черный-Оболенский уже не вернулся назад в Новгород, — во всяком случае, в том же 1614 г. он был верстан окладом в Костромской чети.

Вместе с тем детей боярских, пополнивших войска Трубецкого, судя по всему, было немного. Разграбив всю округу, его войска уже не могли себя прокормить. Дворяне, которые по-прежнему ощущали все трудности несения службы вместе с казаками, стали покидать князя. К лету войска практически перестало существовать, а переговоры новгородцев с Трубецким прекратились. Шведы отбили Бронницы, и часть казаков перешла на их сторону. Борьба за казаков как боевую силу продолжалась. В августе 1614 г. Делагарди писал королю, что казаки готовы договориться о службе со шведами, потому что здесь они, казаки, могут свободно грабить и стоять против врагов. Немного позже, в сентябре, военачальник подчеркивал, что число польских (запорожских) казаков достигло 1 500 человек. За год на сторону шведов перешло больше, чем за предыдущие 30 лет. Делагарди указывал на необходимость заплатить войскам и предоставить им зимнюю одежду. Эти пожелания при отсутствии у короля необходимых средств так и не были выполнены⁴⁴.

С распадом войск Трубецкого входившие в его состав дети боярские практически остались не у дел. Думается, большинство новгородцев, которым и до этого часто не легко давалось решение о переходе на службу в московские полки, в основном исходило из того, что в этот момент представлялось наиболее надежным. Угрим Лупандин, «изменивший» во время тихвинского сиденья, в октябре 1614 г. вернулся в Новгород и стал просить выделить ему землю. Просьба была удовлетворена⁴⁵.

Новгородцы все чаще дезертировали и пытались отсидеться у себя в поместьях. Сохранился наказ, адресованный Горном, осенью 1614 г. сменили Делагарди, и новгородским воеводой кн. И.Н. Одоевским боярскому сыну И.З. Боранову: «Ведомо учинилось нам, бояром и воеводам, что многие дворяне и дети боярские живут в острожке на Ивне (имеется в виду р. Ивина, правый приток р. Свири в Карелии. — Е.К.), не хотя быт на службе в Великом Новгороде, а иные живут по домам, не хотя государю королевичю служить. И по них, дворян и детей боярских, многие высылщики посылаемы высылат на государеву службу в Великий Новгород. И они от высылщиков избегают, а иные ослушаютца»⁴⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что новгородцы не просто отказывались подчиняться приказу, а говорили о своем нежелании служить королевичу, вероятно, независимо от того, приедет он (на это, скорее всего, уже мало кто рассчитывал) или нет. В сложившейся ситуации Делагарди постепенно начинал осознавать необходимость заключения мира с Россией⁴⁷.

Новгородское посольство в Выборге, все чаще надеясь убедить шведов направить Карла Филиппа в Новгород, до конца лета 1614 г. не возвращалось назад. Один из участников делегации, торговый человек Т. Пристальцев, отправился в Стокгольм, чтобы там еще раз попытаться убедить Карла Филиппа приехать править Новгородским государством. Посольство, включавшее возвратившегося из поездки в Швецию Пристальцева, прибыло в Новгород лишь летом 1614 г. Горн снова попытался заставить новгородцев целовать крест Густаву II Адольфу, однако вновь получил отказ.

Царь не собирался вступать в переговоры со шведами прежде, чем шведы выведут войска из Новгорода. Но «немцы» категорически отказывались оставить город. В то же время ни одна из сторон не располагала силами, чтобы оказать военное давление. Горн предлагал Густаву II Адольфу освободить новгородцев от податей, и часть новгородцев, при том, что новгородская феодальная верхушка по-прежнему сохраняла лояльные отношения с «немцами», выражала готовность принести присягу шведскому королю. Однако в целом заставить жителей города целовать крест королю не удалось. Шведы не собирались оставлять Новгород до того момента, как будет заключен

мир. Опустошенный Новгород уже не представлял для них интереса с точки зрения получения военной добычи. После не принесшей никаких перемен осады 1614 г. Горн разрешил новгородцам списаться с Москвой с тем, чтобы новгородцы убедили царя не предпринимать против них вооруженных действий и начать мирные переговоры со Стокгольмом.

В столицу поехал все тот же архимандрит Киприан в сопровождении М.Ш. Муравьева и мужественно ведшего борьбу со шведами Я.М. Боборыкина. Они везли грамоту Горна, в которой говорилось о желании новгородцев избрать Карла Филиппа своим государем и отделить Новгород от Московского государства, но впоследствии вели себя «двоемысленно», пустили русские войска к Бронницам. В грамоте, представленной новгородцами в столице, подчеркивалось, что они пытались добиться избрания шведского королевича на русский престол, следуя приговору Подмосковного ополчения от 23 июня 1611 г. Новгородцы обращались к царю с просьбой простить их, чтобы он принял город под свою государеву руку. Царь новгородцев простил.

Когда послы возвратились в Новгород, там возникла угроза антишведского мятежа, однако часть людей, поверивших обещаниям шведов освободить новгородцев от денежных поборов, продолжала идти по пути пособничества шведам. Очередной раз испугавшийся Киприан раскаялся в своих действиях, Боборыкин и Муравьев были брошены в тюрьму. Тем временем в Москву прибыл англичанин Дж. Меррик. При его посредничестве в 1615 г. начались русско-шведские мирные переговоры.

Так как шведы по-прежнему стремились не ссориться с новгородской верхушкой и обеспечивали ее всем необходимым, некоторые новгородцы хранили им верность. Новгородский воевода Н. Вышеславцев участвовал в 1615 г. в шведском походе на Псков. В 1616 г. на освобожденного к этому времени Боборыкина поступил донос, обвиняющий его в службе Москве. Шведы готовились арестовать Боборыкина, о чем последнему сообщил Лупандин. Боборыкин и Лупандин вместе бежали из Новгорода⁴⁸.

Новгородцы продолжали «изменять». В 1615 г. на Тихвине была составлена десятня, предназначенная для обеспечения жалованьем новгородцев, которые перешли на царскую службу. К сожалению, неясно, когда этот переход реально состоялся: возможно, большинство новгородцев сделало свой выбор после того, как в Новгород возвратилось из Москвы посольство архимандрита Киприана. Во всяком случае, если в сыскных десятнях 1619 г. специально указывалось на выход детей боярских из плена, этот выход расценивался как подвиг и за него давалась прибавка к окладу, то в десятне 1615 г. такие пометы отсутствуют. Возможно, речь шла о принесении присяги войсками, которые целовали крест царю после того, как он простил новгородцам их вины.

Очевидно, из изменявших детей боярских лишь немногие в 1615 г. оказались в Тихвине, так как они в основном вели борьбу на других направлениях.

Из Водской пятины в Тихвин не позже 1615 г. выехали 43 представителя детей боярских⁴⁹. Количество «изменивших» детей боярских оказалось довольно существенным, возможно, в связи с тем, что часть Водской пятины была непосредственно присоединена к Швеции (испомещенные на соответствующих землях дворяне лишились своих владений и пытались каким-то образом устроить свою судьбу). Заметным был поток «изменников» из разоренной Деревской пятины, откуда, видимо, можно было бежать, не сталкиваясь с большими трудностями.

О потоке «изменников» из Шелонской пятины, к сожалению, можно судить только на основании новгородских сыскной десятни 1619 и десятни 1621 гг., составленных с целью оценки боеготовности новгородцев. Эти источники содержат сведения лишь о тех лицах, которые впоследствии возвратились в Новгород (изменники уезжали не в Тихвин, а в Псков, где прошли верстание 18 человек; большинство из них уехало, видимо, достаточно поздно, уже после того, как осенью 1615 г. Густав II Адольф безуспешно осаждал Псков)⁵⁰.

О том, что поток беженцев из Шелонской пятины был значительно меньше, чем из других пятин, свидетельствует и состояние здесь земельвладения. В 1627 г. 196 владельцев земли принадлежали к 103 фамилиям. 80 из них (77% от общего числа), известных

по писцовым описаниям 1626–1627 гг., числятся и в новгородских писцовых книгах с конца XV до 70-х гг. XVI в. В конце первой четверти XVII в. эти фамилии были представлены 152 лицами (77,5%) всех владельцев (в то время как для Новгородской земли в целом соответствующая цифра ненамного превышала 50%). Вполне возможно, что дети боярские из Шелонской пятины (по крайней мере из Залесской половины) меньше переходили на сторону московских войск, с одной стороны, потому что эти районы были не так разорены, как Водская и Деревская пятины, с другой стороны, Залесская половина, сохранившись в значительной мере в том виде, в каком она существовала до опричины⁵¹, вероятно, действительно в какой-то мере оказалась подверженной сепаратистским настроениям после вступления на престол Михаила Романова.

Сходные настроения, как ни парадоксально, получили распространение и в Старорусском уезде той же пятины, который входил в опричнину. Здесь находились крупные владения с сотнями крестьян. Местные помещики надеялись сохранить свои владения. Думается, вполне показателен пример Б. Дубровского, который оказался едва ли не единственным представителем новгородского дворянства, в 1610 г. обратившимся к Владиславу с просьбой сохранить поместье в Шелонской пятине⁵²; в дальнейшем Богдан активно включился в переговоры о возведении шведского королевича на московский престол⁵³. Известно, что в Старорусском уезде испомещали детей дворянских из Подмосковного ополчения, оставшихся в Новгороде после захвата его шведами и активно включившихся в переговоры об избрании стокгольмского ставленника царем. В результате жители разных районов Шелонской пятины в какой-то мере делали ставку на создание Новгородского государства.

К сожалению, источники не позволяют оценить масштабы перехода новгородских детей боярских на сторону московских войск. Если говорить о периоде 1613–1615 гг., в том числе о сведениях, содержащихся в Тихвинской десятне, речь должна идти о гораздо большем числе людей: из Тихвина войска перебрасывались в другие точки; дети боярские уезжали оттуда в Костромскую четь и в Москву, а затем направлялись на службу в разные города. В десятне 1615 г. мы не находим ни Б. Лупандина, ни Нарбековых, ни кн. Ю. Мещерского, против которых было возбуждено дело в 1613 г.

Московскому правительству предстояло решать проблему обеспечения перешедших к нему на службу детей боярских денежным и поместным жалованием с тем, чтобы вновь прибывшие остались на службе. Большинство детей боярских, приехавших в Тихвин – 20 человек, т.е. почти половина из указанных в десятне 1615 г. – получило землю в Хрепелевской волости (Устюжно-Железопольский уезд), 7 – в Муромском сельце Владимирской волости (первоначально речь шла еще о двух человеках, которые не явились на службу и оказались в числе нетчиков), а также в Тихвинской десятне 1615 г. перечислили гусских помещиков, которые были испомещены в Гусской волости Владимирского уезда. Выделение поместий, по крайней мере части из них, производилось еще до составления тихвинской верстальной десятни. В дальнейшем в Гусской волости находились владения кн. Черного-Оболенского, бежавшего из Новгорода в 1614 г. Как свидетельствует копия первого тома писцовой книги по Гусской волости, в 30–40-е гг. XVII в. там проживало, не считая кн. Черного-Оболенского, который, впрочем, новгородцем не назван, 13 выходцев из Новгорода или их потомки⁵⁴.

До того, как Новгород в 1617 г. был возвращен Москве, даже решившись перейти на сторону московских войск, дети боярские порой не хотели служить (мы уже сталкивались с нетчиками из числа помещиков, верставшихся в Тихвине). Сказывалась неудовлетворенность своим положением, когда дети боярские практически оказывались в тех же условиях, что и мелкие служилые люди. В то же время воспоминания об еще недавно имевшемся, а теперь разоренном поместье будоражили сознание. Сохранялись противоречия с казаками, которые находились рядом и могли диктовать свою волю. Покинув Новгород, предстояло продолжать воевать со шведами и поляками. В документах той же Тихвинской десятни 1615 г. имеются сведения о том, что помещики отпущены по домам до Вербного воскресенья, после чего вновь должны явиться на службу. В 1615 г. один из детей боярских, переметнувшийся в Тихвине на сторону госу-

даревых войск, был послан в Устюжну, чтобы договориться об отправке в Тихвин хлеба из Вологды. Однако он исчез, в марте 1616 г. в Тихвине о нем не располагали никакими сведениями⁵⁵. С государственной службы ушел Д.А. Скрипицын. Видимо, наиболее часто уезжали дети боярские, не получившие поместий. С Тихвина после выдачи денег сбежали 7 новиков, верстанных кормовых жалованием⁵⁶.

Десятня 1621 г. содержит сведения о новых пожалованиях. Как правило, речь шла о поместьях, которые фактически предоставлялись «на прожиток», размер «дачи» не превышал 40–50 четей, чаще всего на этом тоже не избежавшем разорения клочке земли проживало 1–2 человека из крестьян или бобылей (притом, что новиков в это время верстали окладами в 250–300 четей, а оклады новгородцев, перешедших на службу в московские полки в Тихвине, доходили до 900 четей)⁵⁷. Но несмотря на массовые раздачи денежного жалования, были готовы явиться на службу, согласно подсчетам В.М. Воробьева, лишь 29,4% помещиков⁵⁸. Даже в 1665 г. только 3,4% поместий включали более 15 крестьянских дворов и бобылей, т.е. достигали того уровня, когда помещикам не платили жалованья. Большинство дворян никогда не имело подвластных им крестьян, а основную часть своей жизни проводило в походах и боях⁵⁹.

Примечания

¹ Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 гг.). Юрьев, 1913; Коваленко Г.М. История Новгорода в работах Г.А. Замятина // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 239–247.

² Фигаровский В.А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Л., 1937. С. 53–92; его же. Отпор шведским интервентам в Новгороде // Новгородский исторический сборник. Вып. 3/4. Новгород, 1938. С. 58–85; его же. Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6. Новгород, 1939. С. 34–50.

³ Ардашев Н. Из истории XVII века. Очищение русской земли // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1898. Июнь.

⁴ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

⁵ Селин А.А. Об «изменах» в Новгороде в 1611–1617 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11).

⁶ Десятня выдачи государева жалованья новгородским боярским детям беспоместным, сотникам, стрельцам, пушкарям, воротникам, атаману, казакам в Тихвине. 14 августа 1615 г. (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. № 215); Сыскная десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских Деревской пятины Новгородского у. 2 мая 1619 г. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сб. док. М., 2003. № 135; Сыскная десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских Водской пятины Новгородского у. 2 мая 1619 г. // Там же. № 136; Сыскная десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских Шелонской пятины Новгородского у. 2 мая 1619 г. // Там же. № 137.

⁷ Расспросная речь двух купцов. 1613 г. Арсеньевские шведские бумаги / Пер. А.В. Полторацкого // Новгородское общество любителей древности. Сб. V. Новгород, 1611. Документ V. С. 22; Донесение Г. Брюнно. [Февраль 1613 г.; получено в Новгороде 15 марта 1613 г.] // Замятин Г.А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. университета. III. Педагогический факультет. Воронеж, 1926. Приложение. С. 71–72.

⁸ Козляков В.Н. Служилый город Московского государства XVII в. Ярославль, 2000. С. 44.

⁹ Деллагарди Я. – Густаву II Адольфу. 8 февраля 1614 г. (см.: Tartu ülikooli raamatukogu. Käsikirjade ja haruldaste osakond (далее TÜR КНО). F. 6. A2.551).

¹⁰ Верстальная десятня всех новгородских пятин. Ноябрь 1621 г. (см.: РГАДА, ф. 210, оп. 4. Разрядный приказ, дела десятен. № 134, л. 14 об. – 15).

¹¹ Станиславский А.Л. Указ. соч.

¹² См.: Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 255–259.

¹³ Деллагарди Я. – Горну Г. 14 августа 1613 г. (см.: TÜR КНО. F. 6. A2. 805–806); Деллагарди Я. – Густаву II Адольфу. 13 августа 1613 г. // Riksarkivet. Skrivelser till Gustav II Adolf. Brev från myndigheten. A. Rakninge kammaren. 19v–20.

¹⁴ Новости, сообщенные Я. Деллагарди в Стокгольм. 6 июля 1613 г. // Riksarkivet. Kriehistoriska samlingen. VII. Handlinger, rörande Ryska kriget.

¹⁵ Ардашев Н. Указ. соч.; Расспросная речь попавших в плен (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Московский стол, оп. 17, № 8, столпик 2, л. 4, 17–20, 23).

¹⁶ Расспросная речь попавших в плен (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Московский стол, оп. 18, № 8, столпик 2, л. 17).

¹⁷ Челобитная Ржевских помещиков. [до 29 марта 1613 г.] // Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (столпцы печатного приказа) / Под ред. Л.М. Сухотина. Б.М. и б.г. № 38. С. 45.

¹⁸ Аграрная история северо-запада России XVII в. Л., 1989. С. 10–12.

¹⁹ Поместное дело. 1613 г. (см.: ГА РФ, КМФ-9, Швеция, ЗА-55, № 105(112)).

²⁰ Челобитная С.И. Веревкина. [Июль 1613 г.] // Первые месяцы царствования Михаила Федоровича... № 533. С. 161; Челобитная И. Веревкина. [Июль 1614 г.] // там же. № 599. С. 173.

²¹ Десятня Деревской пятины. 1611–1614 гг. (см.: ГА РФ, КМФ-9, Швеция, ЗА-55, № 82(88)).

²² Челобитная И. Крюкова. [Осень 1613 г.] (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Московский стол, оп. 17, № 8, столпик 4, л. 12).

²³ Селин А.А. Указ. соч. С. 11–12.

²⁴ Поручные записи новгородских помещиков о невыезде за рубеж. 20 ноября 1613 г. – 17 января 1614 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 2. № 9. С. 17.

²⁵ Поместное дело. 1613–1614 гг. (см.: ГА РФ, КМФ-9, Швеция, ЗА-55, № 318).

²⁶ Пункты, подготовленные на основе прошений новгородских посланников в Выборге. 8 сентября 1613 г. // Riksarkivet. Muscovitica. V. 17. 149 v.

²⁷ Деллагарди Я. – Горну Г. 14 августа 1613 г. (см.: TÜR КНО. F. 6. A2. 808).

²⁸ Фортен Г.В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Октябрь; Протоколы переговоров Г. Горна, А. Теннессона с архимандритом Киприаном и его спутниками в Выборге. 28 августа, 9 сентября 1613 г. // Riksarkivet. Muscovitica. V. 17. 31–48; Кобзарева Е.И. Указ. соч. С. 291–298.

²⁹ Кобзарева Е.И. Указ. соч. С. 306.

³⁰ Грамота кн. Д.Т. Трубецкого, Д.И. Мезецкого Я. Деллагарди, новгородцам. 18 октября 1613 г. (см.: ГА РФ, КМФ-9, ЗА-44, № 102), см. также: Дрень Л.В. Русские документы XVI – начала XVII вв. в архиве шведской военной администрации Новгорода. Опись // Новгородский исторический сборник. Вып. 7(17). СПб., 1999. С. 381–382.

³¹ Грамота кн. Д.Т. Трубецкого, Д.И. Мезецкого Я. Деллагарди, новгородцам. 18 октября 1613 г. (см.: ГА РФ, КМФ-9, ЗА-44, № 102, № 14), см. также: Дрень Л.В. Указ. соч. С. 382.

³² Отписка кн. Д.Т. Трубецкого Михаилу Романову. 10 марта 1614 (получена 19 марта) (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Московский стол, оп. 17, № 8, столпик 2, л. 55–56).

³³ Деллагарди Я. – Горну Г. 17 декабря 1613 г. (см.: TÜR КНО. Cordt IV. 840–841v).

³⁴ Деллагарди Я. – Густаву II Адольфу. 16 декабря 1613 г. (см.: TÜR КНО. F. 6. A2. 832–833); Деллагарди Я. – Горну Г. 17 декабря 1613 г. (TÜR КНО. Cordt IV. 840–840v); Предложение Э. Горна новгородским чинам. 25 января 1614 г. перевод // ДАИ. Т. 2. № 12. С. 30.

³⁵ Предложение Э. Горна новгородским чинам. 25 января 1614 г. Перевод // ДАИ. Т. 2. № 12. С. 28–32; Э. Горн – Густаву II Адольфу. 26 января 1614 г. // RA. Muscovitica. V. 7. P. 42–57.

³⁶ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 116.

³⁷ Отписка игумена Тимофея П.И. Нелюбскому. 20 марта 1614 г. (см.: ОПИ ГИМ, ф. 113. Материалы к истории местного и центрального управления и городского населения в России XVI – начала XVII вв. в коллекции П.И. Щукина, д. 8, л. 20; Отписка П.И. Чихачева Ш.И. Нелюбому. 19 мая 1614 г. (см.: там же, л. 23).

³⁸ Грамота Михаила Романова А.А. Палицину. 5 марта 1614 г. (ответ на отписку 22 февраля) (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Московский стол, оп. 17, № 8, столпик 2, л. 2–3).

³⁹ Martin J. Tatar Pomeshchiki in Muscovy (1560s–70s) // Место России в Евразии. The Place of Russia in Eurasia. Budapest, 2001. P. 114–120.

⁴⁰ Расспросная речь попавших в плен. 14 марта 1614 г. (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Московский стол, оп. 17, № 8, столпик 2, л. 11–12).

⁴¹ Отписка кн. Д.Т. Трубецкого Михаилу Романову. 10 марта 1614 (получена 19 марта) (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Московский стол, оп. 17, № 8, столпик 2, л. 55–56, 60); Расспросная речь Т. Арсона. 23 марта 1614 г. (см.: там же, л. 69).

- ⁴² Отписка кн. Д.Т. Трубецкого Михаилу Романову. 10 марта 1614 (получена 19 марта) (см.: там же л. 56).
- ⁴³ Дело об отправлении кн. Д.Т. Трубецкого в Новгород для приведения новгородцев к присяге (см.: РГАДА, ф. 96, 1614 г., № 1).
- ⁴⁴ Деллагарди Я. – Густаву II Адольфу. 8 июля 1614 г. (см.: ТÜR КНО. Ф. 6. А2.580 v.).
- ⁴⁵ Поместное дело. 1614 г. (см.: ГА РФ, КМФ-9, Швеция, ЗА-55, № 84.)
- ⁴⁶ Наказ Э. Горна, кн. И.Н. Одоевского И.З. Боранову. [Без даты: 1614 г.] (см.: ГА РФ, КМФ-9, ЗА-55, Швеция, № 201).
- ⁴⁷ Деллагарди Я. – Густаву II Адольфу. 16 декабря 1613 г. (см.: ТÜR КНО. Ф. 6. А2.833).
- ⁴⁸ Дело по челобитью Я.М. Боборыкина. [1616 г.] (см.: РГАДА, оп. 1, 1616 г., № 12, л. 11).
- ⁴⁹ Десятня верстания новгородских дворян и детей боярских в Тихвине жалованием. 1615 г. (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, оп. 4, дела десятиен, № 125).
- ⁵⁰ Десятня Шелонской пятины. 1621 г. (см.: РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, оп. 4, дела десятиен. № 131).
- ⁵¹ Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Российское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 46.
- ⁵² Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 115.
- ⁵³ В 1612 г. Б. Дубровский ездил к кн. Д. Пожарскому, с тем чтобы договориться об избрании Карла Филиппа на русский престол, а в 1613 г. принял участие в новгородском посольстве в Выборг.
- ⁵⁴ Список с писцовых книг кн. Василия Кропоткина Гусской волости (1634–1648). Кн. 1 (см.: РГАДА, ф. 1209. Поместный приказ, оп. 1, № 12603).
- ⁵⁵ Десятня верстания новгородских дворян и детей боярских в Тихвине жалованием. 1615 г. (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, оп. 4, дела десятиен, № 125, л. 30–31 об.).
- ⁵⁶ Там же, л. 35.
- ⁵⁷ Верстальная десятня всех новгородских пятин. Ноябрь 1621 г. (см.: РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, оп. 4, дела десятиен, № 134).
- ⁵⁸ Воробьев В.М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых // Исторический опыт русского народа и современность. Дом Романовых в истории России. Материалы и доклады конференции 19–22 июня 1995 г. СПб., 1995. С. 95–96.
- ⁵⁹ Воробьев В.М. Как и с чего служили на Руси в XVII в. (к истории русского дворянства) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 451–463.